

УДК 94(47).084.6

А.Г. ТЕПЛЯКОВ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСОБОЙ ТРОЙКИ ПП ОГПУ ПО СИБКРАЮ В 1930 г.Новосибирский государственный университет
e-mail: tepliakov@risp.ru

Статья посвящена деятельности руководимого видным чекистом Л.М. Заковским карательного органа – особой тройки ПП ОГПУ по Сибирскому краю, организованной в феврале 1930 г. для нанесения террористического удара по деревне, охваченной в тот период широкими антиправительственными выступлениями. Анализируются персональный состав особой тройки, этапы репрессивной активности чекистов и карательная статистика, свидетельствующая о том, что в первые месяцы 1930 г. тройка действовала с жестокостью, не уступавшей более позднему периоду 1937–1938 гг.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, Л.М. Заковский, ПП ОГПУ, тройка, репрессии.

Деятельность особых и фактически квазисудебных троек при региональных органах ОГПУ начала 1930-х гг. до сих пор изучена слабо, о чем свидетельствуют новейшие исследования о репрессиях [1]. Не нашла она сколько-нибудь подробного освещения и в работе С.А. Папкова [2], полностью посвященной истории этих чрезвычайных органов в Сибири. Из официальной статистики следует, что в 1930–1931 гг., а также в 1933 г. деятельность троек носила откровенно террористический характер и пресекла жизни десятков тысяч жертв, преимущественно из сельского населения. Однако сведения о каких-либо подробностях функционирования указанных троек, их персональном составе, карательной статистике находятся преимущественно на закрытом хранении и к настоящему времени известны исследователям намного хуже, чем работа аналогичных внесудебных учреждений

периода 1937–1938 гг. Ставшие доступными документы чекистской отчетности и аналитические записки по итогам первого карательного удара посредством особой тройки Полномочного представительства (ПП) ОГПУ по Сибкраю в ответ на крестьянское сопротивление коллективизации содержат ценные сведения об особенностях региональной карательной политики и влияния на нее местных чекистских руководителей, получивших исключительные полномочия на период коллективизации.

Чекистский террор 1930 г. был достаточно тщательно в техническом отношении подготовлен, поскольку созданная в конце декабря 1928 г. тройка при ПП ОГПУ по Сибкраю в течение всего 1929 г. усиленно занималась массовым внесудебным осуждением как уголовников-бандитов, так и (по ст. 58 УК РСФСР) зажиточных крестьян, торговцев,

Таблица 1

**Динамика поступления и рассмотрения дел тройкой ПП ОГПУ по Сибкраю
в феврале–мае 1930 г.***

Период	ПОСТУПЛЕНИЕ		РАССМОТРЕНИЕ	
	Дела	Участники, чел.	Дела	Участники, чел.
1-я десятидневка февраля	153	648	103	449
2-я десятидневка февраля	169	569	126	467
3-я десятидневка февраля	201	487	120	353
1-я десятидневка марта	295	878	341	958
2-я десятидневка марта	373	1 342	116	729
3-я десятидневка марта	474	1 457	406	1 093
1-я десятидневка апреля	406	1 314	265	745
2-я десятидневка апреля	217	1 424	124	1 064
3-я десятидневка апреля	243	1 252	289	1 067
1-я десятидневка мая	76	655	196	899
ВСЕГО с 1 февраля по 10 мая 1930 г.	2 607	10 026	2 086	7 824

* ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 143.

священников. Тройка состояла из руководящих работников ПП ОГПУ – помимо неперменного полпреда ОГПУ Л.М. Заковского, в 1929 г. в нее входили заместитель полпреда И.Б. Лернер и начальник Секретного отдела П.М. Кузьмин, причем двух последних могли заменять начальник Учетно-осведомительного отдела Г.А. Лупекин и начальник контрразведывательного отдела А.К. Залпетер. Представители прокурорского надзора в лице краевого прокурора И.Д. Кунова или его помощников ставили свои подписи на протоколах заседаний тройки не под грифом «согласен», а лишь в качестве «присутствующих» [2, с. 133].

Состав тройки менялся. В конце 1929 г. Лернера заменил новый заместитель полпреда В.Н. Гарин, а вместо Кузьмина, отставленного за недостаточное карательное усердие и критику Заковского¹, в заседаниях в 1930 г. участвовали Лупекин либо Залпетер [2, с. 135]. При вынесении приговоров участники тройки опирались на доклады уполномоченных краевого и окружных аппаратов ОГПУ по конкретным делам.

Массовая фабрикации чекистами дел в отношении «сельской контрреволюции» началась осенью 1929 г., одновременно со стремительно нараставшими выступлениями крестьянства против политики в деревне. Сибирские чекисты за вторую половину 1929 г. «зафиксировали» наличие в крае 15 «кулацких организаций» из 145 чел. и 140 «контрреволюционных группировок», включавших 1 089 участников. За октябрь–декабрь того же года они «изъяли» около 2,5 тыс. представителей «антисоветского актива», подлежащих осуждению тройкой при ПП ОГПУ и коллегией ОГПУ². О жестокости чекистских репрессий свидетельствовал высокий процент смертных приговоров: с 21 ноября 1929 г. по 21 января 1930 г. тройка рассмотрела 156 дел на 898 чел., из которых 347 (38,6 %) оказались приговорены к расстрелу [3, с. 89–92].

Однако крестьянское сопротивление нарастало, что вызвало новое резкое усиление террора. Если за январь 1930 г. сибирские чекисты арестовали 666 «контрреволюционеров»³, то в феврале–декабре среднемесячная цифра репрессированных оказалась втрое больше. В целях пресечения массовых протестов, доходивших до крупных восстаний, центральные власти в начале 1930 г. санкционировали осуществление местными органами ОГПУ широких внесудебных репрессий с применением массовых расстрелов. Созданная в соответствии с приказом союзного ОГПУ № 44/21 от 2 февраля 1930 г. особая тройка при ПП ОГПУ по Сибкраю приступила к работе 5 февраля. Заковский так комментировал суть проводившейся операции: «Основной задачей данной операции, предшествовавшей практическому осуществлению решений партии о коллективизации и ликвидации кулачества как класса, являлся разгром передовой, наиболее организованной, активной части деревенской контр-революции... лишение к-р. актива возможностей сколачивания крупных к-р. организаций и бандшак и предупреждения вероятного роста террористических актов со стороны неорганизованной части кулачества»⁴.

Чекистами Сибири с 1 января по 20 апреля 1930 г. было ликвидировано 50 «повстанческих организаций» с 3 935 участниками, 597 «группировок» с 5 049 участниками и 7 076 «контрреволюционных одиночек». За это же время под чекистским руководством в регионе было подавлено четыре восстания с 1 720 участниками, а также 135 массовых антисоветских выступлений и «волынок». Сотрудники окружных отделов ОГПУ арестовали 408 «кулаков», распродавших свое «подлежащее экспроприации имущество», а также 779 крестьян, бросивших хозяйства и попытку скрыться от произвола властей. Всего же за период с 1 января по 10 мая 1930 г. Заковский в своем отчете перед руководством ОГПУ насчитал 16 667 арестованных «активных участников»

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 133–134.

² Там же. Л. 127.

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 141.

Таблица 2

**Социальный и профессиональный состав лиц, привлеченных тройкой ПП ОГПУ
по Сибкраю по ст. 58 УК РСФСР в феврале-мае 1930 г ***

Категория населения	Всего, %	Участники контррев. организаций	Участники контр-рев. группировок	Групповые дела	Одиночки
Кулаки	5 003 64	934	2 019	584	1 466
Зажиточные	249 3,2	111	82	19	37
Средняки	1 058 13,5	712	199	34	113
Бедняки	204 2,6	146	42	9	7
Батраки	14 0,2	9	2	3	–
Торговцы	188 2,4	53	73	9	53
Кустари	56 0,7	19	9	3	25
Служащие	149 1,9	63	44	7	35
Рабочие	16 0,2	13	3	–	–
Духовенство и сектанты	338 4,3	30	100	32	176
Бывшие белые офицеры	90 1,2	10	24	4	52
Прочие	459 5,8	87	171	51	150
ИТОГО:	7 824 100	2 187	2 768	755	2 114

* Составлено по: ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 144.

142 «контрреволюционных проявлений»⁵. За это же время на рассмотрение региональной тройкой поступило 2 607 дел на 10 026 чел., рассмотрено же было 2 086 дел на 7 824 чел.; Помимо указанных дел тройка рассмотрела и 707 дел на 2 826 уголовников, арестованных милицией (табл. 1)⁶.

В марте-апреле 1930 г. число рассмотренных тройкой дел было максимальным, а наказания за них – наиболее жестокими, причем значительная часть смертных приговоров выносилась только за агитацию против мероприятий власти (особенно часто за агитацию расстреливали священников)⁷.

Директива Заковского местному аппарату № 22 796 от 28 января 1930 г. о задачах и проведении массовой операции по «контрреволюционному активу» гласила, что «основным объектом нашего оперативного удара является исключительно кулачество и махровые, блокирующиеся с ним контрреволюционно настроенные элементы – белогвардейщина, белобандиты и проч.»; аресты середняков и бедняков без крайней необходимости категорически воспрещались⁸. Установку о приоритетности репрессирования прежде всего «активного кулачества» Заковский подкрепил данными, сведенными в таблицу за отчетный период (табл. 2).

Однако, судя по доступным нам документам некоторых следственных дел, чекисты не особенно утруждали себя проведением четких социальных градаций внутри крестьянства. В частности, из дела «террористической повстанческой организации» в Коченевском районе, 59 (84 %) из 70 участников которой были 8 марта 1930 г. осуждены тройкой к расстрелу, следует, что один из фигурантов, В.Ф. Слесарев, значился «раскулаченным» посмертно – в 1931 г. [4, с. 378].

Средняков и бедняков арестовывали в основном как участников стихийных «бандвыступлений». При этом следственные материалы на «повстанческие организации» и «группировки» свидетельствовали, по признанию самого Заковского, что их причиной являлись «перегибы и искажения» в ходе коллективизации. Особенно резко протестные выступления нарастали в течение марта 1930 г.: с 1 по 10 марта – 16 выступлений (2 200 участников), с 11 по 20 марта – 34 (4 500 участников), с 21 по 31 марта – 42 (6 100 участников). Хотя в составе протестовавших преобладали женщины⁹, ответные карательные мероприятия обрушились преимущественно на мужское население.

Оценивая ход проводимой операции, Заковский констатировал, что за февраль и первую половину марта окружными отделами ОГПУ были репрессированы «основные кадры к-р. актива, объединенные в организации и группировки... и разрабатывавшиеся нами ранее, а также к-р. одиночки, состоявшие на активном учете АСЭ (антисоветские элементы. – А. Т.)». Затем, до мая 1930 г., аресту подвергались члены «вновь возникших и выявленных в процессе операции организаций и группировок». В трактовке Заковского указанная часть заговорщиков к моменту ареста еще не успела развернуть своей деятельности, а потому и репрессировались превентивным образом «организационно не оформившиеся кулацко-антисоветские группировки, что конечно, не исключает их общей к-р. активности»¹⁰.

Большинство различных категорий осужденных (кулаки и зажиточные, торговцы и кустари, служащие и пр.) прошли через рассмотрение на тройке по групповым делам. Максимальную долю «контрреволюционных одиночек» дали белые офицеры (57,7 % осужденных), а также духовенство и сектанты. Многочисленные группировки делились пол-

⁵ Там же. Л. 141–142.

⁶ Там же. Л. 146.

⁷ Там же. Л. 116, 134.

⁸ Там же. Л. 144.

⁹ Там же. Л. 115.

¹⁰ Там же. Л. 146.

Данные о приговорах тройки ПП ОГПУ по Сибкраю за февраль–март 1930 г.*

Категория	Всего, чел.	Высшая мера наказания	Концлагерь, 10 лет	Концлагерь, 5 лет	Концлагерь, 3 года	ИТД	Высылка	Прочие
Контрреволюционеры одиночки	1654	$\frac{279}{16,8}$	$\frac{501}{30,2}$	$\frac{470}{28,5}$	$\frac{43}{2,5}$	$\frac{8}{0,4}$	$\frac{239}{14,4}$	$\frac{114}{7,2}$
Участники контрреволюционных организаций и группировок	2395	$\frac{1468}{61,2}$	$\frac{370}{15,4}$	$\frac{298}{12,4}$	$\frac{18}{0,6}$	$\frac{4}{0,1}$	$\frac{116}{4,8}$	$\frac{121}{5,5}$
Всего с 1 фев. по 1 апр. 1930 г.	4049	$\frac{1747}{43,1}$	$\frac{871}{21,5}$	$\frac{768}{18,9}$	$\frac{61}{1,5}$	$\frac{12}{0,3}$	$\frac{355}{8,7}$	$\frac{235}{6,0}$

* ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 220. Л. 153.

** В числителе – чел., в знаменателе – %.

предом на три категории: «срывательские», действовавшие против мероприятий властей, с активным участием духовенства; повстанческие; террористические, состоявшие из 5–6 участников, частью с помощью выпивки или подкупа направленные кулаками на расправу с советскими сельскими активистами¹¹.

В чекистской интерпретации в основном «организации» возникали стихийно, но некоторая часть деревенских и абсолютное большинство городских контрреволюционных «заговоров» за счет участия офицеров и членов антисоветских партий носили «более продуманный характер», делясь на тройки и пятерки, имея шифры, пароли и клички¹². Городские «организации» стремились возглавить «деревенскую контрреволюцию» и предпринимали «единичные слабые попытки найти единую политическую платформу для идейной консолидации всех к-р. сил». В качестве примеров Заковский назвал ликвидированную в конце 1929 г. омскую «Партию народного права», действительно включавшую несколько активистов, напечатавших и распространивших сотни резких антиправительственных листовок от имени этой партии (81 участник осужден 23 апреля 1930 г., в том числе 6 – к высшей мере наказания; все впоследствии реабилитированы [5, с. 211–214], а также некую «Партию народной воли»¹³.

В ходе коллективизации один из уполномоченных, посланных в Барнаульский округ, запугивал крестьян такими словами: «Всех не желающих входить в колхоз арестовывают и сажают, а так как тюрьмы переполнены, то ежедневно расстреливают, чтобы долго не задерживать»¹⁴. Реальность была такова, что угрозы мелкого чиновника оказались страшной правдой. Официально Центром давалась установка расстреливать «наиболее активных контрреволюционеров» – организаторов «заговоров» и восстаний. Однако Заковский, игнорируя запрет Г.Г. Ягоды расстреливать за «контрреволюционную агитацию», утвердил расстрел 10 % всех священников (их насчитывалось в крае примерно 2 000 чел.)¹⁵.

Таким образом, в разгар «кулацкой операции» расстреливали 43,1 % осужденных тройкой, причем участников «организаций» казнили в 1,5 раза интенсивней, нежели «одиночек»: приговоренных к высшей мере наказания среди них насчитывалось 61,2 % (табл. 3). Эти цифры свидетельствуют о том, что сибирский террор февраля и марта 1930 г. (в процентном отношении расстрелянных к общему количеству осужденных) практически не уступал размаху куда более известной «кулацкой операции» 1937–1938 гг.

Заковский учитывал, что в эти же месяцы продолжалось интенсивное строительство системы СибУЛОН ОГПУ. Интересы лагерных подразделений диктовали прагматический подход к судьбам пожилых осужденных. Полпред рапортовал, что «при вынесении решения о сроке заключения в концлагерь... Тройка по вполне понятным причинам строго руководствовалась данными о его возрасте и трудоспособности»¹⁶. На деле это обстоятельство обрекало на расстрел часть лиц старшего возраста, подобная аналогия просматривается в действиях Заковского весной 1938 г., когда он дал указание о расстреле в Московской области 1 160 инвалидов, чтобы не «загромождать» лагерную систему нетрудоспособными [6, с. 115–126]. Правда, рассматривая дела на «кулаков», Заковский подчас был вынужден поправлять излишне ретивых подчиненных. Так, допрашивая в марте 1930 г. 80-летнего М. Пирогова, уполномоченный учетно-осведомительного отдела ПП ОГПУ Я.А. Пасынков записал, что фактически «допрос не произведен вследствие абсолютно невменяемых ответов на задаваемые вопросы». Непригодный ни к даче показаний, ни к труду в концлагере Пирогов по рапорту следователя был осужден к расстрелу, который тройка ОГПУ отменила 15 марта 1930 г., сославшись на болезненное состояние и преклонный возраст Пирогова [4, с. 377]. Вместе с тем Заковский уверял руководство ОГПУ, что во время «кулацкой операции» грубых нарушений процессуальных норм не наблюдалось, а задержки с рассмотрением дел объяснял якобы тщательным ознакомлением с поступавшими делами и нехваткой квалифицированных оперативников, значительная часть которых была в тот период откомандирована для усиления аппаратов окружных отделов ОГПУ¹⁷.

¹¹ Там же. Л. 146, 151–153.

¹² Там же. Л. 149–150.

¹³ Там же. Л. 151.

¹⁴ Там же. Л. 114.

¹⁵ Там же. Л. 129.

¹⁶ Там же. Л. 156.

¹⁷ Там же. С. 142–143.

За апрель и первую декаду мая тройка осудила 2 233 участника «организаций», из которых к расстрелу было приговорено 752 чел., или 33,6 % (доля осужденных к ВМН «контрреволюционных одиночек» за то же время снизилась до 7,3 % – 113 чел. из 1542). Всего за февраль–апрель и первую декаду мая по контрреволюционным делам тройка осудила 7 824 чел., в том числе к высшей мере наказания – 2 611 (33,5 %), заключению в концлагерь – 3 467 (44,4 %), ссылке в северные районы – 853 (10,9 %), заключению в ИТД – 14 (0,15 %). Всего изолировали 6 945 чел. (88,95 %); из них получивших условные приговоры было 7,7 %, освобожденных – 1,35 % и тех, чьи дела оказались направлены на доследование, – 1,6 %.

Таким образом, ряд формальных юридических процедур соблюдался: среди привлеченных 9 % смогли избежать лишения свободы. Кроме того, на 16 чел. дела были выделены в особое производство (возможно, на сексотов, которых таким способом укрывали от разоблачения). Два дела на 120 чел., подготовленные Бурят-Монгольским облотделом ОГПУ, оказались возвращены на доследование в связи с неполнотой следствия. Среди них было заведено дело на «Партию национальной интеллигенции», якобы созданную осенью 1928 г. в Олойском булуке бывшим судебным работником Н. Васильевым из 9 «повстанческих ячеек» (86 чел.), будто бы занимавшихся срывом мероприятий власти и распространением ложных слухов¹⁸.

Чекисты Сибири продолжали фабриковать «дела» на тысячи «заговорщиков». С мая 1930 г. в большинстве районов Сибири остро не хватало продовольствия, и протест голодных людей рассматривался как проявление организованного враждебного отношения к власти. В мае 1930 г. по Сибкраю фиксировалось 31 протестное выступление, в июне – 26. За первые пять дней июля чекисты отметили 7 массовых выступлений, из которых 5 возникли на почве «продзатруднений», а 2 – с целью защиты «кулаков» от выселения¹⁹. В ходе уборочной кампании чекисты (по состоянию на 20 сентября 1930 г.) арестовали 4 391 чел. Они ликвидировали 25 «контрреволюционных организаций» с 1 155 участниками, среди которых богатые крестьяне оказались даже в меньшинстве (410 «кулаков», 489 середняков, 151 бедняк и т.п.; среди арестованных были 8 бывших коммунистов и 43 красных партизана). За тот же период было «разгромлено» 46 «группировок» с 406 участниками (216 «кулаков», 122 середняка, 12 бедняков, 22 служащих, 7 красных партизан). Из 379 арестованных «антисоветских одиночек» насчитывалось 234 «кулака», 48 середняков, 5 бедняков, 13 представителей духовенства, 5 красных партизан. Кроме того, был арестован 2 451 «раскулаченный», бежавший из ссылки. 22 сентября

1930 г. Заковский сообщал на Лубянку, что он переключил аппарат на «борьбу с бегством кулачества с мест расселения, усиление агентурной работы [по] к-р. элементу в городе и деревне, усиление инфработы [по] текущим кампаниям»²⁰.

Несмотря на некоторое снижение интенсивности террора в середине и второй половине 1930 г., тройка под руководством Заковского сохраняла крайне высокий процент приговариваемых к высшей мере наказания. Итоговые цифры в Западной Сибири в 1930 г. оказались самыми высокими по стране: к расстрелу было приговорено 4 762 чел. из 16 553 осужденных (28,8 %). Если учесть расстрелянных тройками в ВСК (руководитель тройки И.П. Зирнис) и Якутии (руководитель тройки Ф.С. Трубицын), то общее число жертв в Сибири насчитывало 5 127 чел. [7, с. 287], или 25,4 % от числа расстрелянных по СССР. Население Сибири в 1930 г. составляло 9,7 млн чел., или 6 % от населения страны (160 млн чел.). Тем самым удельный вес осужденных тройками в Сибири более чем в 1,5 раза, а расстрелянных – более чем в 4 раза превышал средний общесоюзный показатель. Наиболее драматическим в Сибири стал период с февраля по начало мая 1930 г., когда было расстреляно 2,6 тыс. чел. Этот террор сломил крестьянское повстанчество и сопротивление режиму в целом, но не смог уничтожить их совершенно. О сохранении протестного потенциала в регионе свидетельствовали многочисленные выступления, а также несколько крупных крестьянских восстаний 1931–1933 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кодин Е.В.* Репрессированная российская провинция. Смоленщина. 1917–1953 гг. М., 2011.
2. *Папков С.А.* Тройки ОГПУ–НКВД в Сибири в сталинскую эпоху (1925–1938 гг.) // Власть и общество в Сибири в XX веке : сб. науч. стат. Новосибирск, 2010.
3. *Исаев В.И., Угроватов А.П.* Правоохранительные органы Сибири в системе управления регионом (1920–е гг.). Новосибирск, 2006.
4. *Тепляков А.Г.* Дело коченевских «крестьян-повстанцев» // Книга памяти жертв политических репрессий в Новосибирской области. Новосибирск, 2005. Вып. 1.
5. *Якунин Ю.А.* Черное и белое. Омск, 1990.
6. *Осипова И.* Пять дел // Сопротивление в ГУЛАГе: Воспоминания. Письма. Документы / сост. С.С. Виленский. М., 1992.
7. *Мозохин О.Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). М.; Жуковский, 2006.

Статья поступила
в редакцию 01.12.2011 г.

¹⁸ Там же. С. 158–160.

¹⁹ Там же. Л. 62, 59.

²⁰ Там же. Л. 32.